

Дмитрий Голубовский: Начинаем нашу сессию, которую мы, наверное, сделаем приближенной к круглому столу. Мы все здесь будем сидеть, не по одному выступать. Начнем с сообщений экспертных, и потом будет у нас дискуссия небольшая по поводу того, в какое вообще время мы живем, какой кризис назревает и нас ожидает и к чему он может привести.

Я бы просил начать господина Митяева.

Дмитрий Митяев: Коллеги, добрый день! Я постараюсь вводное, действительно, сделать сообщение. Поскольку сейчас уже есть консенсус о том, что мировая глобальная торгово-финансовая система находится в процессе разрушения (то ли саморазрушения, то ли управляемого сноса), вопрос, конечно, когда это началось. Но то, что это режим с обострением и, соответственно, по-моему, это уже широкий консенсус. Причем не только в российской научно-экспертной среде, но и в западной. Вопрос только в том, кто бенефициары этого процесса и какие стадии он проходит.

Соответственно, здесь есть простая альтернатива: или ждать, когда это рухнет, и потом пытаться под обломками что-то такое выжать и соорудить, либо действовать более осмысленно на опережение. Но то, что нашему экспертному сообществу логика процессов достаточно давно была понятна... Вот есть книга, я для примера принес показать, 2001 года «Распад мировой долларовой системы» коллективная, потом была куча других работ. Вот у меня был такой доклад в 2008 году о динамике саморазрушения мировой финансовой системы.

Я это говорю к тому, что проблематика не новая, но мы имеем некоторую специфику того, что Россия и наши некоторые ближайшие союзники (Беларусь, другие), и Китай, скорее всего, в ближайшее время тоже (или в той или иной форме уже) отключены от этой доллароцентричной финансовой системы. Причем началось это все не в 2022 году, когда спецоперация, а в 2021. Тут всякие метрики, как это все измерялось.

Почему Германия и Китай в прицелах вот этой вот финансовой операции? Просто потому, что вы видите, что американцы безнадежно проиграли конкуренцию Германии (в 5 раз больше высокотехнологический экспорт), и Китаю (в 7 раз больше). И, соответственно, уже по началу этого года мусорные облигации Китая лучше себя чувствуют, чем США.

Соответственно, опять же, можно долго здесь говорить про логику. Сейчас мы идем по этой пирамиде снизу вверх. Понятно, что деривативы – это управляющий контур. Когда у вас есть рычаг 1 к 100 к капиталу, то вы можете... Это весь рынок оценивается производных инструментов, фьючерсов, опционов на товарные, на капитальные, на процентные. То вы можете этим управлять. Но до поры до времени, пока у вас в основании не происходит необратимых изменений. Так как произошли необратимые изменения по рынку газа в Европе, и это западные, опять же, оценки – Zoltan Pozsar – что 20 миллиардов поставок было российского трубопроводного газа. И Германия на этом делала так или иначе добавочной стоимости на 2 триллиона евро.

Соответственно, это зашаталось достаточно капитально. Сейчас мы видим уже череду банкротства банков, пока средних, но уже и один крупный – Credit Suisse. Еще раз говорю, процесс развития.

Тем не менее, мы должны понимать, какая у нас здесь точка опоры. Мы, конечно, не 2% мировой экономики, как нам рисует по текущему курсу наша либеральная, так сказать, и денежные власти, и глобальная система. У нас порядка 5%. По электричеству, по электрогенерации, по электропотреблению мы в 2 раза больше Германии. У нас очень

здоровый топливно-энергетический баланс, к которому только стремятся Индия, Китай и остальные. Короче, у нас есть на что опереться.

Сделаны расчеты разных вариантов. Если все-таки пытаться делать что-то планомерно, а не только ожидать, когда все рухнет, то есть варианты ЕАЭС, но это небольшая часть мировой экономики. Сейчас 5 стран входят. Гораздо более устойчивые конструкции на ШОС или БРИКС, причем у ШОС и БРИКС форматы расширяются. В БРИКС уже достигнут компромисс по долям стран в пуле валютных резервов. 40% у Китая, по 17% у Бразилии, России, Индии, и 5% у ЮАР.

Соответственно, БРИКС сейчас прорабатывает (так это, по крайней мере, публично заявлено) по инициативе Ирана, кстати говоря, вот эту альтернативную международную валюту. Самая оптимистичная, максимальная дорожная карта – это можно сделать техническую часть за 1,5-2 года и заключить международный договор, примерно как был в 1944 году в Бреттон-Вудс. Вы знаете, что идея такой международной валюты не прошла, американцы продавили свой долларовой золотой стандарт. Но в тот момент это было логично, потому что больше 50% мирового ВВП была тогда Америка, и основной кредитор, соответственно.

Здесь можно идти по пути реформы МВФ и SDR. Но там надо поменять, конечно, веса, потому что сейчас там веса фактической роли страны в международной торговле, в международной финансовой системе уже являются преобладающими. Поэтому там больше всего, естественно, доллар, евро. 12% имеет юань, хотя юань имеет только 3% в мировых платежах.

Опять же, очень кратко буквально. Россия сейчас некий ручеек, из которого вытекает (вытекал до последнего времени, и в прошлом году) в основном капитал и мозги на Запад. В этой конструкции, конечно, стать таким же, условно говоря, сырьевым придатком Востока не является ни доблестью, ни каким-то выходом. Поэтому здесь вопрос только в том, в какой конфигурации Россия может капитализировать свой реальный ресурс, а именно это геополитический, геоэкономический ресурс, военный ресурс и территория, естественно, которая является очень важной и является хард-лендом по американским геополитикам.

Если брать соотношение стратегических ресурсов, то тут, опять же, контрольный пакет у этих группировок, к которым относится Россия. Эту достаточно сложную двухконтурную финансово-торговую систему уже придумали 300 лет назад в той же Британии. Я не буду на этом сейчас останавливаться. Это замкнутая система, потом она была адаптирована, улучшена Советским Союзом. Трехконтурная финансовая система сейчас используется и дальше развита Китаем. У него многоканальная целевая денежная миссия по разным ставкам для разных целей, и все это работает, и все это позволяет устойчиво развиваться.

Соответственно, понятно, что тот скачок, который был в 2021-2022 году на морские перевозки в несколько раз, купировался. Но он показывает, что это в любой момент снова вернется, и по каким-то военным, геополитическим причинам эта глобальная морская торговля может быть прервана. Это является основной, на самом деле, вот этой перестройки вынужденной мировой торгово-финансовой системы.

Понятно, что у нас есть биржи, но у нас много чего другого нет. То, что мы до сих пор отдали англосаксам. Мы знаем, что до сих пор Минфин наш использует кодировки «Аргуса» по Urals, которые вообще с потолка взяты. И, на самом деле, отдает сейчас примерно по разным оценкам порядка 5 миллиардов долларов в месяц разница по ценам, которые реальные сделки по экспорту в Китай, Индию и, соответственно, то, что считает Минфин

для целей налогообложения. Причем это еще закрепили сейчас в Налоговом кодексе. То есть эта скидка в 25% от Brent будет, типа, чуть ли не вечно теперь, что неправильно, на мой взгляд.

Но есть вынужденные более простые системы, но, тем не менее, они рассматриваются. Понятно, есть крипта. Но крипту не признает (ни майнинг, ни оборот) ни Китай, ни Индия. Вряд ли это возможно как основа международной системы. Есть, естественно, золото. Сейчас по золоту будет отдельный разговор, поэтому я не буду останавливаться. Перетекало примерно последние 20 лет 1000 тонн в Китай и 1000 тонн в Индию, поэтому не факт, что на Западе много осталось. Хотя у населения, скажем, у немцев на руках больше 10000 тонн, что в 3 раза больше, чем у Бундесбанка. Но у индусов считается вообще порядка 50000 тонн, у Китая уже очень много сейчас стало.

И Россия здесь крупнейший добытчик, но, в отличие от Китая, где есть запрет на экспорт золота, у нас такого нет. У нас выталкивался в прошлом году и до этого несколько лет, но это отдельный разговор.

Соответственно, предпоследний сюжет. На самом деле, конечно, чтобы торгово-финансовая система была устойчивой, должна быть внутренняя... На Московском экономическом форуме об этом много разговоров, как должна быть устроена наша экономика, чтобы она была сбалансированной и не на вывоз капитала, сырья, мозгов и импорт технологий рассчитана. Для начала надо от глобальной экономики правильным образом отгородиться в том смысле, чтобы никакие внешние шоки, которые у нас сейчас чуть ли не автоматически в курс рубля закладываются, и вообще происходит постоянный переток внешней турбулентности, который нам не нужен. Это решает система экспортных пошлин, прежде всего, которые должны быть гибкие, которые должны быть существенные и должны изымать всю природную ренту, которая сейчас на 2/3, на 80% по ряду секторов вывозится. Скажем, если взять уровень изъятия из выручки по нефти, это 75%, по газу – 65%, а вот по металлам, по удобрениям – 15-20%. Сейчас у нас в списке Forbes на первое место вышел господин Мельниченко, который владеет. По углю вообще нет нормальной пошлины, и по ряду других позиций.

Есть стратегические товары, из них надо формировать стратегический резерв. Не нужен никакой ЗВР в том виде, в котором он сейчас есть. Нужен запас, как у Китая, полутора-двухлетний запас основных стратегических ресурсов. Зерно Китай имеет практически на 2 порядка больше резервов, чем Россия, и по целому ряду других позиций то же самое. Это позволяет устойчиво развиваться. Но это тоже отдельный сюжет.

Поэтому для того, чтобы эта платежно-расчетная и финансово-торговая инфраструктура устойчиво развивалась, конечно... И сейчас, вы знаете, это в некотором хайпе последние месяц-полтора-два. Постоянно заключаются двусторонние соглашения расчетов в нацвалютах, о каких-то таких проработках валют. Но здесь нам нужно активную позицию занимать.

Спасибо!

Дмитрий Голубовский: Спасибо большое! Дискурс задан. Сила России – это простой продукт, как говорил Пушкин: «Не нужно золото ему, когда простой продукт имеешь». Но тем не менее, перед всеми финансистами в мире сейчас очень остро встает вопрос (особенно перед практикующими, я себя к таким отношу как управляющий активами): «А что дальше будет вообще с долларом?» Потому что вопрос ухода от доллара из

теоретической плоскости перетек в практическую не потому, что можно рассуждать о том, плох он или хорош, а потому что американцы просто стали использовать его как оружие против стран, которые они считают своими конкурентами – экономическими или геополитическими.

Но этот вопрос подняла сама Америка, поставила на повестку дня. Когда мировая валютная система находится в поиске – вот сейчас мы находимся в поиске, а что может быть и на что бы нам опереться – пока власти ищут, я наблюдаю на рынке в срочном порядке возвращение очень большого интереса к золоту. Почему? Потому что, если что-то перестает работать, люди возвращаются к тому, что хорошо работало раньше. Поэтому, Алексей, вам слово. Расскажите нам о том, что нужно сделать с рынком золота России, потому что я так чувствую, что думать могут долго, а торговать надо сейчас.

Алексей Вязовский: Спасибо! Здравствуйте. Меня зовут Алексей Вязовский, я работаю в крупнейшем небанковском дилере драгоценных металлов, компании «Золотой монетный дом».

Коллега уже коснулся темы золота, я постараюсь немножко ее раскрыть перед вами. Прошлый год у нас был рекордный год за всю историю России (постсоветский и советский период, я думаю, даже царской России, когда впервые появился золотой стандарт). Население купило больше 75 тонн золота. Чтобы вы просто понимали, в среднем прошлые годы частник потреблял 3-4, на пике – 7-8 тонн. 75 тонн – это просто абсолютный рекорд. Я думаю, он и дальше побит не будет.

Но это нам все грозит появлением мощного, большого вторичного рынка, потому что люди, которые купили золото, возможно, захотят его продать. Этот оборот мы фиксируем у себя в компании. И в основном этот спрос на золото пришелся, конечно, на слитки. Хотя у нас в стране можно купить золото, если мы откинем какие-то совсем экзотические способы вроде золотого песка, в монетах и в слитках.

И долгие годы рынок слитков был в очень депрессивном состоянии. Почему? По слиткам брался НДС 20%, а обратно, когда продавали слитки, его не возвращали. Люди все умеют считать деньги, и переплачивать никто не хотел. И поэтому в основном то потребление, которое здесь вот серыми столбиками указано на презентации – это было потребление в монетах, потому что разницы между золотом в слитках и в монетах никакой нет, а выгода просто налицо.

Что у нас происходило с ценами на золото? Это график в рублях. В 2002 году средняя цена на золото 999 пробы была порядка 250 рублей, прошлый год мы начали на уровне 4000 рублей за грамм. На пике в марте на всем известных событиях мы достигли уровня 7000 рублей за грамм. И вчера или позавчера мы опять вышли на территорию сильного роста. У нас курс пробил 5000 рублей за грамм. То есть мы видим: цена на золото постоянно растет, но растет она волнами. Есть периоды сильного роста, есть периоды коррекции отката. Но в целом график говорит сам за себя.

Почему произошел такой всплеск потребления золота в прошлом году? Как я уже говорил, решили проблему с НДС. У нас, пока жареный петух не клюнет, как говорится, никого не волновала эта тема. Но как только случилось то, что случилось в марте, то власти моментально отменили НДС на слитки. И еще отменили НДФЛ, то есть налог на доходы физического лица, на 2 года. Такого вообще никто не ждал. Долго очень Моисеев, весь его аппарат (у нас замминистра финансов курирует эту тему) убеждали отменить НДС. Он

говорил: «Да, да, да», а воз были и ныне там. А как только припекло – моментально просто решили многолетнюю проблему, и народ побежал в банки за слитками, потому что в России слитками разрешено торговать только банкам, и совсем недавно разрешили «Госзнаку» и аффинажным заводам. Это заводы, которые, собственно, и производят эти слитки. Люди побежали в банки. Это было очень классное решение со стороны финансовых властей. Почему?

Потому что у нас каждая волна санкций или какого-то экономического кризиса (а в прошлом году это был совмещенный вариант) сопровождается банковской паникой. И население выносит депозиты из банков и куда вкладывает? В наличную валюту, которую нам по санкциям запретили ввозить в страну. И финансовые власти предложили нормальную, адекватную альтернативу вот этой панике: вложиться в золото. И это был тоже не беспроблемный путь. Почему? Потому что, когда население рвануло в банк за слитками, этих слитков там не оказалось. Коллега говорил, что несколько лет до этого вывозили активно все, по-моему, даже в Думе была попытка расследования. Что-то там 600 тонн за 3 года вывезли.

У нас пик был даже не позапрошлый год, а 2020 ковидный год, когда был острый дефицит золота в мире. И российское золото спасло финансовую систему, потому что на американских биржах, когда потребовали поставки по фьючерсам, по деривативам на золото, этих слитков, в общем, там не оказалось. И их просто самолетами, паллетами из России и некоторых других стран завозили эти финансовые центры. Какие? Это Цюрих, это Лондон, это Нью-Йорк. И поставляли по этим фьючерсам, по которым вдруг люди потребовали поставки. Не люди, а трейдеры, так скажем.

Долгие годы 3-4% оборота фьючерсов по золоту заканчивались поставкой слитка, а тут вдруг до половины. Этих слитков нет. Что делать? Клиент уезжает, гипс снимают. Спасли весь мир. Конечно, нам никто за это благодарен не был. Самое яркое впечатление у меня было от этого года, 2020, когда мы своим золотом спасли мировую финансовую систему – это рассыпавшиеся слитки в аэропорту Шереметьево. Там паллетами такими возят, а золото – очень тяжелый металл. Плохо упаковали, тащили, паллета упала – эти слитки вот так по залу разлетелись просто.

Двигаемся дальше. Что еще произошло в последние годы, что помогло рынку драгоценных металлов в России? Безусловно, запуск системы ГИИС ДМДК. Это система учета сделок с драгоценными металлами и драгоценными камнями, которую запустил Минфин, а поддерживает Пробринная палата. Собственно, туда участники рынка обязаны заводить все сделки с драгоценными металлами. Золотые монеты освобождены пока от заведения в эту систему. Учет слитков, собственно, ведется... Слитки у нас все номерные, там номерочек такой выбит. Вот по номерам в эту ГИИС ДМДК все это забивается.

Для чего это сделано? Собственно, это сделано для того, чтобы разделить ювелирный рынок золота и инвестиционный рынок золота, во-первых. Во-вторых, потом туда планируют завести ювелиров тоже. Им сейчас дали отсрочку, они пробили отсрочку. Год или два, по-моему. Вот это такая система борьбы с контрафактом, с контрабандой, которая спасла во многом рынок с точки зрения легализации, когда вот этот объем слитков был выплеснут.

Банки сейчас говорят, что они находятся в системе тестирования до сих пор. По-моему, до 1 марта эту ГИИС ДМДК тестируют. Уже, собственно, март у нас закончился, апрель начался. Посмотрим, как она будет работать. Все, конечно, бояться утечек. Вы знаете все эти истории,

когда из баз утекали данные. А в связи с тем, что, когда вы покупаете слиточек, у вас берут паспорт, а там ваша прописка, вряд ли много людей готовы поделиться с широкой общественностью хакеров и прочих недружественных спецслужб своими адресами, где они хранят золото. Не знаю, как будет это все решаться, будет ли это все заведено, не будет. Но потенциально проблема существует.

Какие проблемы у нас есть? Давайте тоже их опишу. Так как сейчас самый большой оборот приходится не на инвестиционные монеты, а на слитки, то с ними проблема. Купить легко, продать сложно. Несколько крупных банков торгуют, плохо выкупают обратно их, требуют зачастую экспертизы, особенно если это какой-то крупный тяжелый слиток. И могут потребовать экспертизу, которая стоит денег и занимает время, и выкупают с высоким спредом. То есть премия к цене золота при продаже может достигать 20%, обратный выкуп тоже происходит с серьезным дисконтом.

Что нужно сделать правительству, финансовым властям? И уже, кстати говоря, делается. Также первый раз похвалил насчет НДС, сейчас второй раз хвалю. Начали расширять круг участников. Разрешили с 1 апреля торговать слитками с населением «Госзнаку» и аффинажным заводам. У нас примерно 8 или 9 действующих аффинажных заводов. Теперь они могут открывать представительства и просто продавать слитки населению. Вопрос: как они эти слитки будут выкупать? Пока ответа на этот вопрос нет.

Что бы еще можно, на мой взгляд, было бы сделать в этом направлении? Разрешить просто юрлицам торговать слитками. Если мы посмотрим какие-то развитые страны, там либерализация этого рынка дошла до того, что юрлицам можно торговать слитками. По сути, разница в цене золота между монетой и слитком на цену грамма или на цену унции практически не существует. Монета даже чуть дороже, потому что чеканка денег стоит. Слиток налить намного проще.

Рынок инвестиционных монет представлен на слайде. Он более широкий, более ликвидный. Почему? Потому что юрлицам можно торговать, граждане просто друг с другом торгуют монетами через различные интернет-аукционы. Слитками торговать так нельзя. У нас в России до сих пор действует 191 статья УК РФ: «Незаконный оборот драгметаллов». И, по все видимости, в эту статью, по которой до сих пор сажают людей, которые, например, сами поехали куда-нибудь в Магадан, намыли золотишка, отлили слиток (а это можно делать просто в домашних условиях: тигель ставишь, разогреваешь) – их сажают. В Бурятии на 2 года человека посадили.

Это все потребует от наших финансовых властей корректировки этой статьи. Почему еще? Потому что у нас одобрен законопроект в России о вольном приносе золота. Его подали уже в Думу, и частнику разрешат мыть золото. Ты можешь получить достаточно легко простенькую лицензию на участок, который неинтересен крупным золотодобывающим компаниям. Там сделали не очень приятные условия по объему руды, которую ты должен переработать, и по технике, которую ты не можешь использовать.

Сейчас лоббисты, я знаю, активно пытаются эту историю повернуть так, чтобы частнику можно было просто мыть золото. На прошлой неделе Трутнев, наш министр недр, заявил, что будут открыты конторы по скупке золота, как это было, собственно говоря, при Иосифе Виссарионовиче Сталине в 1920-х годах, когда частнику разрешили мыть золото и были государственные конторы, которые скупали это золото. Потому что какая сейчас проблема у рынка золота в России существует в связи с этими «черными копателями»? Они едут во все эти области (это Магаданский край, Чукотка, Дальний Восток, Красноярский край), моют

нелегально золота. По разным оценкам, от 30 до 35 тонн в России добывается «черными копателями» нелегально. Конечно, никаких налогов не платят, ничего не платят.

Но мало того, они еще и занимаются фальшивомонетчеством. Почему? Потому что вот ты добыл этот песок, намыл его, даже, может быть, сделал аффинаж, повысил пробу. Это не так сложно, тоже решаемая проблема в домашних условиях. А куда ты этот песок-то денешь? Или слиток ты налил. Некуда. Банк у тебя его не купит, на интернет-аукционе ты его не продашь.

Что они делают? Они делают штемпели старых царских золотых монет Николаевской эпохи, вот эти знаменитые червонцы, десятки, пятерки и так далее, и массово чеканят их, выкидывают на вторичный рынок к дилерским компаниям и вот как раз на интернет-аукционы, все вот эти маркетплейсы. И сейчас большая проблема, которую власти пока еще не увидели, но скоро увидят – это вал вот этой истории, вот этого нелегального золота.

Поэтому расширение круга участников, легализация вот этих «черных копателей» и нелегальных старателей, уравнивание статуса инвестиционных монет и слитков в плане налогообложения – я думаю, что монетам надо тоже предоставить льготу по НДС, если слиткам предоставили. Золото и там, и там одинаковое, разницы никакой. Вот это все то, что предстоит сделать нашим властям, и я надеюсь, они это сделают.

Спасибо!

Дмитрий Голубовский: Спасибо, Леша! Так что первый ответ на санкции относительно оборота валюты будет либерализация рынка золота. Возвращение к первоосновам. Но здесь стоит добавить, что эта либерализация должна тогда коснуться корпоративного сектора и внешнеэкономической деятельности.

Алексей Вязовский: Мы уже к дискуссии перешли, но хорошо.

Дмитрий Голубовский: Я просто ремарку такую сделал.

Алексей Вязовский: Вопрос закрытия границ... Я у коллеги в слайде видел этот пункт о том, что невозможно одновременно либерализовывать внутренний рынок и разрешать вывоз золота. А сейчас пошла массовая контрабанда этого золота без-НДС-ного. Сейчас в Шереметьево ловят этих нелегальных возчиков, чтобы вы понимали, вот с такими 12-килограммовыми слитками. Их частнику купить невозможно, это банковская история. 400-унцовый слиток, которыми банки торгуют с банками. Начали ловить контрабандистов с этими слитками, которые вывозят в страны ЕАЭС, а оттуда уже вывозят куда-нибудь в Армению, или из Армении дальше в Китай и так далее.

Большая проблема. Как ее решать? Наверное, надо в рамках нашего Таможенного союза, экономического союза, который у нас с Беларусью и с Казахстаном. Как это будет решаться, не представляю. То есть это надо делать, да.

Дмитрий Голубовский: Окей. Еще среди тенденций, которые наблюдаются в последние несколько лет, стоит отметить тренд очень яркий к отмене наличных, бумажек, и к

переходу на цифровые валюты центральных банков. У нас Китай здесь лидирует в этом, уже ввел цифровой юань. Уже обсуждаются аналогичные проекты во многих странах. У нас в России тоже. Чем может у нас цифровой рубль помочь в части улучшения денежного обращения и, может быть, улучшения международной торговли? Господин Остарков, слово вам.

Николай Остарков: Спасибо большое. Я немножко расскажу о своем выступлении. В принципе, это будет выступление, которое было на Арктическом форуме сделано с поправкой на 5 лет назад, то есть видение 5 лет назад. Я посмотрел, в общем-то, даже интересно взглянуть таким взглядом.

И еще одна ремарка по поводу этой презентации. Она все-таки была рассчитана на молодежную аудиторию. Я тогда выступал перед студентами, профессурой. В общем, научная немножко среда. И поэтому в ней затронуты очень многие понятийные, гносеологические вопросы. И я постараюсь уложиться в это время, но по моему мнению, что без погружения в парадигматику, без погружения в гносеологические вопросы понимание современных процессов невозможно.

В частности, одна из серьезнейших проблем, вопросов, на которые нужно ответить – что за характер кризиса сейчас происходит? Есть масса подходов, которые говорят о том, что это, например, структурный кризис. Тем самым подчеркивается, что дело идет не просто о каком-то периодическом процессе, который назад снова отмотает, и из депрессии мы снова начнем развиваться. Кто-то говорит (футурологи очень любят это говорить) о том, что мы имеем дело с фазовым кризисом, подчеркивая, наверное, такую технологическую составляющую и так далее.

Я говорю о серьезнейшем кризисе, который больше, чем все возможные, которые там описываются. Речь идет о формационном изменении очень серьезном, сопоставимым с переходом к капиталистической формации.

Гносеологическую часть – я очень быстро по ней пробежусь. Здесь важно понять, что то, что мы называем рынком... Предположим, у нас есть НПЗ, есть различные способы доставки бензина и есть потребление его. Вот это у нас, условно, рынок. Теперь смотрите, что мы сделали. Мы взяли, к этому рынку добавили зеленые – преимущества, желтые – относительный запрет, и совсем красные – это совсем запрет на определенные способы движения товаров. Всегда имеем в виду, что речь идет не просто об НПЗ, а и о финансовом рынке, и о каком-то другом любом потребительском рынке. Это еще рынок. У нас есть монополия, и у нас есть ее регулирование. Но мы все равно это называем рынком.

Идем дальше. Теперь представьте, что у нас есть рынок, допустим, финансовый, и есть как бы рынки, которые производные относительно него. Они тоже внутри регулируемые, они сложно устроены, там сложная система регулирования. Там тоже есть монополия, но это будет монополия второго порядка, регулирование третьего порядка и так далее. Мы все равно это называем рынком.

Вот что здесь происходит, например, в финансовой сфере? Получается, что ткнуть и сказать, что вот это рынок, ни в одну из этих областей мы не можем. Перестало работать, просто исключите ее из головы, не работает репрезентационная система. Корреспонденции «вот есть понятие, и есть отсылка к чему-то реальному», так же, как нет отсылки к золоту или к капиталу, или еще у чему-то – это не работает. Гносеологическая и парадигмальная система изменилась настолько, что уже нужно совершенно новые вещи вводить.

Еще нам одно понятие понадобится – это эмиссионная рента. Согласно трудовой теории стоимости, стоимость денег – это затраты на добычу золота, эквивалента. Но если мы выходим на рынок с золотом и продаем его по цене, то есть выше, чем стоимость его, то разница между ценой золота и его стоимостью – это будет сеньораж. А он в принципе чувствуется даже в наших монетах сейчас.

В принципе, вот эта дельта позволяет выходить с валютой, большей по стоимости, чем она является стоимостью, так сказать, в рамках концепции трудовой теории стоимости. То есть она всегда больше.

Дмитрий Голубовский: Больше стоимости бумаги, на которой она напечатана? Если совсем простым языком.

Николай Остарков: Если мы возьмем бумажные деньги, то стоимость их, грубо говоря, нулевая. Тот, кто эмитирует деньги, которые печатаются, в этот момент, в момент напечатания денег, получает колоссальную прибыль. Я упрощаю процесс, но в принципе. Это тысячи процентов сразу, чтобы вы понимали. Если он их выпускает под то, что он выкупает валюту или еще что-то, он этот сеньораж не получает.

Если у нас есть две страны, которые печатают доллары, например, как эмиссию, и есть страна, которая печатает свою валюту под что-то, то вот эта страна всегда будет в лузерах, она будет всегда проигрывать, потому что на первом же шаге выпуска валюты страна, которая является эмиссионером свободным, так сказать, выигрывает. И она выигрывает не на копейки, не на десятки сотен процентов. Она выигрывает сразу. У нее другой ВВП, другая социальная система – все организовано по-другому.

Возможность эмитировать и получать сеньораж – это огромнейшая привилегия стран, которые этим пользуются. Не только США.

Идем дальше. Для того чтобы понимать этот формационный переход, нужно понимать, что каждая из формаций устроена очень многослойно и она очень сложная. Здесь показано, если мы берем срез, допустим, первой формации, там еще формируется капитал. Вот мы берем простейшее товарное производство остаточное, которое еще сильно.

Берем следующую формацию, делаем срез, и там у нас будет капитал, будет простейшее товарное производство нишевое, и вот уже появляется эмиссионное. Эмиссионное, то есть возможность запуска денег, которые обладают колоссальной способностью производить «прибыль» (это фактически рента), создают совершенно серьезное преимущество в цепочке, которая организована по лекалам вот этой рентно-эмиссионной системы.

Вот здесь показан переход от одной формации к другой. Вот где мы сейчас находимся. Мы сейчас находимся в переходе, условно говоря, индустриальной матрицы к информационной матрице, переходе от Капитала к новому движку. Этим новым движком называется Эмиссион, как я его называю.

Как он создался? В 1970-е годы были запущены очень мощные финансовые технологии: деривативы использовались, кредитный портфель стал активом, секьюритизация активов, открытие безинфляционной эмиссии. Эмиссия, печатание денег, безинфляционная, если вы это делаете грамотно. У меня есть несколько статей на эту тему, в разных аудиториях выступал. В принципе, если что, я могу на этом остановиться, почему эмиссия не ведет к

инфляции. Когда журналисты пишут о том, что печатание денег приводит к инфляции, они льют воду на мельницу империализма. Не приводит оно к инфляции.

И вот эти финансовые технологии создали новый движок, который называется «эмиссион».

Более подробно остановлюсь на трех этих формациях. Вот экономика эквивалентна простейшая. Здесь количество денег – это традиционно известная формула: берем цены, делим наоборот и получаем математическую модель. Ну, с поправкой на то, что у нас триметаллическая система, и поправкой на Закон Коперника – Грешема. Здесь профессионалы знают, что такое. К сожалению, времени останавливаться на этом нет. Здесь вот следующий этап развития денег – это появление бумажных денег. Но это вот хорошо известная для любого из нас, это капиталистическая формация. Плавающие валюты, обеспеченные там ВВП, индикаторы состояния экономики и так далее. Это то, что мы говорим сейчас, что доллар как бы обеспечен состоянием американской экономики.

Теперь что происходит сейчас? Эмиссионный доход формируется на базе мировой валюты и присваивается эмитентам. Совершенно новая ситуация. И национальные банки любых стран, и даже национальные банки внутри способны создавать эмиссионный доход. В принципе, любой человек, который начинал свою деятельность в 90-е годы в банковской сфере, сталкивался с эмиссионным доходом. Очень простая вещь. Когда «Тверьуниверсалбанк» открывает вашему банку, условно говоря, депозит на осуществление корреспондентских операций, он фактически делает эмиссию для вас. Это эмиссионные деньги уже. Создание денег на коррсчетах. В принципе, по большому счету, и любой кредит является запуском эмиссионной системы.

Это, вот чтобы вы понимали, отношение задолженности по ипотеке к ВВП на балансе Централных банков. То есть, грубо говоря, в районе ВВП на счетах Централных банков выкуплены ипотечные бумаги. Это фактически вот один из способов засечь эмиссию. Это вот примерно тот объем, который должен быть у грамотной страны минимум. Это минимум миниморум. Если его нет, значит, Централный банк работает против национальной экономики.

И вот к чему это приводит? Если мы возьмем теперь две цепочки: одна – эмиссионная, то есть которой запуск осуществляется, благодаря тому что есть эмиссионные деньги, и прибыльная цепочка. То есть эмиссионная цепочка всегда побеждает. То есть цепочка добавленной стоимости, организованная в парадигматике прибыли, она будет всегда проигрывать, потому что здесь, в принципе, может быть отрицательная стоимость денег. Откуда берется отрицательная стоимость денег? Очень просто. Вы, зная, что вы получите вот этот колоссальный доход сеньораж, вы можете им делиться в цепочке. Никто этого особо не делает и не афиширует, и просто деньги выдаются под нулевой процент или 0,2, как нам выдавались, например, Siemens Bank или еще как-то. Но, в принципе, эта ставка может быть отрицательная. Это значит, что производство турбин в конкурирующей цепочке, которая ориентирована на прибыль, всегда проигрышно. Это приводит к тому, что эмиссионные цепочки начинают постепенно размывать экономику и уничтожать цепочки, которые организованы в получении там товарной прибыли либо прибыли в форме капитала. То есть они более выгодные. Но все пока действуют аккуратно, запускают там небольшие ставки, все-таки для того чтобы это была квазирыночная система.

Теперь о том, как можно сделать рубль цифровой, и чем он может здесь нам помочь. По идее, нужно разделить. То есть я здесь предлагаю схему, которая минимальными шагами, которая практически даже не требует законодательного какого-то особого изменения.

Нужно отделить бюджетную систему, которая собирается с помощью налогов и социальных обязательств, и запустить цепочку цифрового рубля, которая раскрывается через систему рефинансирования. Вот Центральный банк, он рефинансирует банки развития, банки развития выдают льготное кредитование. Это вообще никакая не экзотика. Те, кто занимался малым бизнесом – программа 6,5% была организована по такой схеме. Если в основе ее лежит эмиссия, то это всё, в общем, правильно. Чем она хороша? Тем, что вы не палите бюджет там, где не нужно. Бюджет – он для пенсионеров, для здравоохранения, для образования и так далее. Никаких статей расходов в бюджете на что-то там льготное для бизнеса, на раскручивание каких-то программ и так далее – этого не должно быть. Это безграмотность просто, грубая безграмотность. Это всё должно быть организовано по вот этой системе, которая должна быть рублевая, а потом перейти в цифровой рубль.

Ну, в общем, я заканчиваю. У меня время уже закончилось. Это я пропускаю. Вот очень хороший слайд, но я его тоже пропускаю. Он показывает о том, что на самом деле мы уже во многих сферах имеем дело с рентной экономикой, хотя продолжаем ее называть такой прибыльной. Кстати, кто вот наукой занимается – здесь на несколько докторских прям заложено.

Смотрите, что должно произойти в мировом масштабе? Это десять лет назад я глянул. В принципе, пять лет назад публично это озвучил. Эмиссия доллара как всемирной валюты. Что с ним делать, что делать с евро, что делать с фунтом и так далее. То есть где будет мировая валюта. *Да, Дмитрий, я заканчиваю.* Вот если бы на эту штуку посмотрели, вы бы сразу поняли, что главным конкурентом доллара здесь является кто, что? Евро. То есть доллар, если он хотел пять лет назад остаться как бы главенствующей валютой, должен был основной удар нанести по евро. Иначе в условиях кризиса куда все сбегут? Все сбегут в евро. То есть в триггерной ситуации все начнут использовать евро как защитную валюту, если это будет серьезный удар по самому доллару. Поэтому упреждающий удар должен был быть нанесен по евро.

Всё, на этом я заканчиваю. В принципе, это всё. У меня есть по всем этим пунктам статьи, где это всё изложено. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Дмитрий Голубовский: Спасибо, Николай. Можно было бы геополитически развить твою последнюю мысль., но мы не будем этого делать, потому что мы сейчас сосредоточены на экономике. Вот затронули вопрос с золотом. И Алексей сказал: «Проблемы с цифровой безопасностью». С цифровым рублем тем более проблемы с цифровой безопасностью, цифровой инфраструктурой, технологиями и так далее. Что необходимо сделать в этом отношении нашей стране, для того чтобы, по крайней мере, хотя бы на внутреннем рынке эти проблемы решить и сделать денежную систему стабильной, главное – независимой от американских монополий, американских технологий? Александр Пастухов, вам слово. Это важный технологический вопрос, потому что стандарты, которые будут хорошо работать, могут сделать международным и деньги, которые по этим стандартам организованы.

Александр Пастухов: Спасибо, Дмитрий. Я немножечко расширю задачу своего выступления. В дополнение к Николаю хотелось бы сказать о двух вещах, которые приводят нас к некой новой общественно-экономической формации. То есть, есть две проблемы сложности. Первая проблема сложности – это проблема создания единой меры стоимости.

Это вот первый аспект, который сегодня освещу. И второе – это как управлять структурой экономики, и в чем главная проблема, почему мы в структурной инфляции и никак не можем ей управлять?

Начну. Всем известные события с санкциями, по сути, привели к подрыву доверия к системе тех институтов, которые сегодня обеспечивают доллар как единую меру стоимости. А в целом международная торговля сегодня настолько важна, и особенно единая мера стоимости в ней, что та степень разделения труда мирового масштаба, которая сегодня есть, делает невозможным отказ от мировой торговли без глобальных потрясений. Поэтому переход на двухстороннюю торговлю – это сильно ставит вопрос (пока, может быть, это не очевидно): а как определять цены в условиях, когда много разных валют, много разных отношений двухсторонних? И поэтому стоит вопрос: «А какую альтернативу долларовой системе, к которой доверие подорвано, можно сделать, и какой, вообще, подход к этому имеет смысл?» Идеально для многих стран было бы, если бы доллар заменился там евро или юанем. Но вся проблема в том, что, какую бы валюту мы одной страны ни взяли, это решение создает очень серьезные риски для той страны, которая выступит такой альтернативой доллару. Потому что внутренняя структура экономики, например, в Китае она экспортоориентированная. Если юань будет использоваться как мировая валюта, это создает внутренние риски для быстрой перестройки экономики и социальной стабильности самого Китая. Поэтому это создает задачу искать какое-то другое решение. Это значит, что, если мы говорим про опыт мировой, нам необходимо, вообще, искать новую систему институтов на новых принципах и механизмах.

Почему не какой-то простой, а именно система институтов? Потому что в процессе торговли будет в любом случае возникать диспропорция – там временный дефицит и профицит от торгового баланса, нужно управлять инвестициями, ну и так далее. И самая сложная задача в этом: как сделать так, чтобы осуществить плавный переход от долларовой системы институтов, которая теряет доверие, к некой новой системе? Почему важно плавно? Потому что при резкой перестройке, неплавной перестройке будет очень большой провал по качеству жизни для больших групп населения, и это всё будет оплачиваться в текущих условиях средний класс. А средний класс – это основа стабильности социальной, это создает неприемлемые риски, серьезные.

Поэтому сегодня идет поиск: как создать некую новую резервную валюту там на мета-уровне, или создать некую универсальную расчетную единицу, которая бы включала корзину валют? Но, на мой взгляд, нужно рассматривать не только корзину валют БРИКС отдельно, но нужно предусмотреть техническую возможность, чтобы в эту историю мог включаться и текущий эквивалент – универсальный доллар, хотя это требует определенной доброй воли от Штатов, что проблематично. Ну и самое важное – то, что работало в прошлом хорошо – это золото одним из элементов может быть такой корзины.

На самом деле поиски подходов и эксперименты уже давно идут, и эта работа ведется в так называемом WEB 3.0. Это блокчейн-технология используется. Идет попытка создания цифровых институтов. А какая задача там решается? Задача решается: как за счет автоматизации исключить произвол финансовых властей? А на самом деле эту ли проблему надо решать? А какую проблему решать при создании новой системы? Вот здесь нужно посмотреть, а в чем причина сегодняшних проблем экономических и финансовых, которые приводят к назреванию очень масштабного кризиса? Уже сегодня это всем понятно становится. Ведь если посмотреть на текущие финансовые институты, то у этих финансовых институтов – у банков – есть бесконечные возможности по управлению финансовыми

инструментами и экономикой. Почему об этом говорю? Потому что если посмотреть на долю прибыли в корпоративном сегменте, то доля банков там решающая в доле прибыли. Поэтому говорить о том, что у банков нет возможности управлять экономикой – есть, она избыточная. Проблема в другом. Что эти институты не управляют финансовыми потоками так, чтобы обеспечить структурную сбалансированность экономики и постепенный рост в интересах большинства людей и в интересах социальной стабильности.

Вопрос: почему так происходит? На мой взгляд, это по банальной причине. Потому что нет адекватных инструментов и инфраструктуры для такого управления. Потому что многие решения, которые сегодня принимаются – инструментов просчитать последствия этих решений адекватных, на мой взгляд, не существует. И этому есть конкретная причина цивилизационная, вот про которую я хочу сегодня проговорить и обозначить.

На мой взгляд, причиной такому положению дел является комбинаторный взрыв сложности задач управления. Что это такое? То есть это когда сложность связи в процессе создания конечного продукта разделения труда выросла за счет масштаба, и не только за счет масштаба, а за счет роста номенклатуры, порожденной возможностью компьютерных технологий. То есть количество типов продуктов, количество номенклатуры, которой приходится управлять, выросло многократно при внедрении компьютерных технологий. Почему это произошло? Потому что рост знаний, скорость получения новых знаний она увеличилась в разы. Этого, к сожалению, нет в презентации сейчас. Любую можно открыть, с каким темпом удваивается количество знаний – можно посмотреть: когда-то они удваивались за сто лет, потом – за 20, скоро там будет (условно) за две недели удваиваться количество знаний, в мире накапливаться.

И если проблема роста знания, управление ростом знания – эта проблема была решена созданием всем известных технологий 3W или Web (это технология гиперссылок, которая позволила сделать связанные знания и позволила там навигацию делать), то в экономике всё оказалось гораздо хуже, потому что мы столкнулись с проблемой лоскутной автоматизации. То есть, грубо говоря, мы получили ситуации, при которых внутри отрасли скорость изменения находится на уровне цифры за счет платформ, а между платформами структурная балансировка происходит аналоговыми методами, методом переговоров. Тут вот явная разница скоростей рождает неразрешимые проблемы по управлению структурной экономикой. То есть, другими словами, в такой ситуации управлять структурной экономикой становится невозможно осознанно. По сути, это и создает ту беспомощность перед структурной инфляцией, о которой сейчас уже принято говорить, что инфляция сегодня носит не столько монетарный характер, сколько структурный характер.

Соответственно, ключевой задачей для позитивного преодоления текущего кризиса является создание единого пространства цифрового экономического взаимодействия для тех стран, которые стремятся создать новую резервную валюту или универсальную расчетную единицу, как меру стоимости в задаче международной торговли. По сути, такое пространство единого цифрового экономического взаимодействия на текущих базовых цифровых технологиях, архитектурах и стандартах, к сожалению, создать невозможно. И подпорки в виде блокчейн-технологий или искусственного интеллекта, с помощью которых пытаются решить эти проблемы, они эти проблемы принципиально решить не могут. Сейчас не буду объяснять, почему. Это большой разговор. Но суть в этом. И для человечества стоит задача создать такое пространство, но создать на базе новых стандартов, новой архитектуры, новых технологий. Причем такую работу, на мой взгляд,

можно провести сегодня только на базе российских или советских отечественных школ компьютерных наук. Это одни из самых сильнейших школ, и многие проблемы решались еще в прошлом веке, во времена Советского Союза. Сильнейшие школы. И тот опыт управления межструктурного; тот же Госплан, который там при Сталине был алгоритм; и потом теоретические разработки, которые велись уже на основе того опыта в 60-70-х годах – это может стать той базой, которая решит принципиально проблему, стоящую сегодня.

Но со своей стороны мы это называем «создание торгово-промышленно-финансового Интернета», в котором есть две сквозные прикладные технологии: одна технология – это технология межотраслевого, межсекторного баланса; а вторая технология – это создание единой расчетной единицы. Ну, собственно, при создании такой инфраструктуры, таких инструментов мы имеем шанс с минимальными потерями пройти надвигающийся глобальный мировой кризис. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Дмитрий Голубовский: Спасибо, Александр. Я тогда хочу уточнить. То есть ты рассматриваешь этот кризис одновременно и как кризис доверия, и как кризис структурный, и одно усиливает другое, между ними позитивная обратная связь?

Александр Пастухов: Все верно. И это делает время, которое на решение, вот по разным оценкам, от пяти до семи лет. Потом будет очень большая проблема.

Дмитрий Голубовский: А если не будет решения? Тогда будет явочным порядком возрождение «золотого стандарта» экономики XIX века. Какие прогнозы негативные на этот счет?

Александр Пастухов: Есть очень хороший фильм – «2012». Там, помните, как всё замерзло? И там была такая фраза: «До какого момента будет идти шторм?» – «До устранения дисбаланса его вызвавшего». Вот дисбаланс скоростей добавления научных знаний и скорости управления структурой. Вот, пока дисбаланс не будет выровнен (либо за счет знаний, либо за счет управления экономикой), будет происходить нехороший процесс.

Дмитрий Голубовский: У меня в контексте предыдущего выступления появилась тогда очень простая формулировка сути кризиса: «Они печатали деньги быстрее, чем мы думали».

Александр Пастухов: Красивая метафора.

Дмитрий Голубовский: В этом-то вся и проблема.

Николай Остарков: Я хочу добавить. Нет механизмов редукции сложности. Ну, это понятие франкфуртской школы. То есть мы всегда имеем как бы сродуцированные сложности. Например, всеобщий эквивалент – один из способов. Капитал – это один из способов

упорядочить систему. Эмиссия, эмиссион – один из способов. А теперь сложите их все три вместе, да на разных уровнях, да с разными объемами. Всё, у вас больше редуктора упрощающего нет. То есть нет системы, которая бы эту сложность переваривала.

Дмитрий Голубовский: Мы достигли предела сложности?

Николай Остарков: Да, мы достигли предела сложности. И утопия, которая предлагается, создать такую машину, такую сложную, которая бы это все-таки переваривала. Как постановка задачи – вполне себе разумно, но вот вопрос.

Александр Пастухов: Есть надежда на то, что те наработки, которые есть в России, в российской школе, альтернативной западным, они позволяют справиться с этой сложностью. И кроме того, опыт справляться со сложностью есть только у нас. В других странах нет практического опыта. Поэтому у нас больше оснований говорить о практических результатах, чем о неких фантазиях.

Дмитрий Голубовский: Так, Игорь, теперь слово вам. Только не пугайте. Потому что, на самом деле, мы отдельно проговаривали уже все эти проблемы. Я знаю, что на самом деле пациент скорее мертв, чем жив, если говорить о глобальной финансовой системе. И на самом деле ситуация более чем серьезная, дорогие друзья. Действительно я считаю, что времени что-то придумать новое остается по историческим меркам очень мало, потому что история и человечество знало очень глубокие кризисы и регрессы. И думать, что вот это процветание, которое по историческим меркам на самом деле идет 300 лет, с момента создания той модели кредитной системы, которая сейчас продолжится вечно, но это в рамках мышления одного поколения – да, потому что мы к этому привыкли. На самом деле были катастрофы, которые отбрасывали очень здорово и потребление, и даже знания, и научно-технический прогресс. Вот исходя из того, что я слушаю, я оцениваю риск такого сценария достаточно высоким. Мне кажется то, чем всех пугают, это какая-то ядерная война, это не столь страшно. Если ядерная война не убивает знания, можно потом восстановить мир, а вот если знания исчезают, ядерной войны не надо, чтоб скатиться к средневековью. Ну, обнадежь нас. Надо что-то придумать.

Игорь Диденко: Спасибо за приглашение выступить, за возможность выступить. И конечно, очень здорово, что здесь, в рамках Московского международного форума, мы обсуждаем такие важные вопросы. Дмитрий попросил меня, скажем так, финализировать, подытожить немножко секцию. Поговорить о системном кризисе, о пределах роста мировой экономики, о том, что сейчас мы видим такой вроде посткапиталистический этап. Вот Дмитрий сейчас сказал о трехсотлетнем периоде непрерывного роста, который случился во многом благодаря той модели, которая функционировала или функционирует пока еще, тут есть дискуссии определенные, у нас в мировой цивилизации. И понятное дело, что эта модель, как бы к ней ни относились мы, она всегда была характерна тем, что мы понимали, что завтра будет лучше, чем вчера. Постоянный экономический рост, постоянные новые технологии, постоянное освоение каких-то новых территорий, которые вовлекались в международное разделение труда, и вот такие последние территории, крупные

территории, значимые с точки зрения мировой экономики, которые были вовлечены в мировой хозяйственный оборот, это, конечно, постсоветский лагерь, это Китай, который стал мировым локомотивом роста на два с лишним десятилетия. И вот сейчас мы наблюдаем, что практически все, ранее не освоенные капитализмом территории, рынки, освоены все, встроены в цепочку МРТ. Глобализация достигла, скажем так, какого-то своего пика и вроде бы даже начался откат. Соответственно, в Китае определенные свои проблемы имеют место быть, о них тоже можно много говорить, но помимо тех проблем чисто экономических, которые мы видим, о которых говорят – кредитный кризис, кризис китайских застройщиков и так далее – мы должны обратить внимание на то, что Восточной Азии и в Китае в первую очередь начался нисходящий демографический приход. То есть, помимо старения населения, началось еще и снижение населения в абсолютных цифрах. То есть страны, которые имели наибольший потенциал стать локомотивами роста и были такими локомотивами, такие как Китай, Корея, они его уже в какой-то мере в основном отыграли. И сейчас, когда фертильность Китая уже порядка 1.7 при простом пороге воспроизводство 2.2, а в Корее вообще меньше единицы, соответственно мы понимаем, что системные проблемы, в том числе и экономические, в этих государствах могут накапливаться. Пока, по крайней мере, решений каких-то таких очевидных стареющие государства Восточной Азии не предложили. Это вот с точки зрения именно демографии. А демография и экономический рост в любом случае имеют свою корреляцию. Мы понимаем, что это не только Китай, Корея, но и Тайвань, Гонконг, другие страны. Причем население там стало сокращаться, в общем-то, достаточно существенно. Это такой еще процесс, который только предстоит оценить.

Крупных стран с возможностью какого-то низкого старта, которые могут глобальные локомотивы роста заменить, ну, наверное, среди всех стран называют только Индию. Однако там возникают вопросы по поводу инфраструктуры к этой стране, возникают вопросы по поводу качества тех трудовых ресурсов, которые могут мировую экономику продвинуть дальше вперед. Ну а остальные страны, которые мы знаем, имеют положительную, существенную демографическую характеристику, это такие страны как Пакистан, Бангладеш, Нигерия, Демократическая республика Конго, Эфиопия, там очень много своих системных проблем. И конечно, мировые экономисты – я сейчас говорю о том, что сейчас происходит именно с точки зрения мировой экономики, макроэкономики – не уверены в том, что так просто получится сделать эти государства мировыми локомотивами роста.

Соответственно, мы видим, что противоречия по всему миру в обществах и поляризация в них тоже нарастают. Все больше людей понимают, что принцип «завтра будет лучше, чем вчера» вроде бы больше уже и не работает, а это значит, что рациональное поведение уступает место предельно прагматичным рассуждениям, что в условиях, скажем так, не растущего, а кто-то считает даже, что и уменьшающегося пирога мировой экономики надо цинично отхватывать кусок у ближнего, чтобы не сильно снижать свое качество жизни или даже для того, чтобы просто выжить. То есть соответственно мы видим сейчас какое-то усиление нестабильности по всему миру и это не только традиционно такие не очень стабильные континенты, как Африка, например, или Южная Америка, но и в Европе, в Азии точки локальной нестабильности, к сожалению, их количество только увеличивается.

Более того, примета времени и то, чего раньше не было совершенно однозначно, это увеличивающееся количество по миру территорий фейл стейт, несостоявшихся государств. То есть, если в 1992 году такое государство было официально признано лишь одно – это Сомали, то теперь это фактически и Ливия, и Мали, и Буркина-Фасо, и

Центральноафриканская Республика, и Ливан, и Ирак, и Сирия, и Афганистан, и так далее. То есть все большее количество государств из такого мирового хозяйственного оборота понемножку, скажем так, отстраиваются в сторону. И поскольку они не смогли найти свое место в МРТ, и помогать им достигать соответствующих результатов никто особенно не собирается, то по большому счету начинают понимать, что вложения в эти страны могут никогда не отбиться и они могут остаться в состоянии такого хаоса на очень и очень долгий период. А может быть даже и навсегда, потому что система мировой экономики меняется очень существенно.

Следующий момент, о котором сейчас много говорят не в рамках экономического аспекта, но который на самом деле предстоит оценить очень серьезно в будущем, это то, что похоже начинается процесс технологической сингулярности в том его понимании, как его описывали еще в 80-е, в 90-е годы мировые футурологи. То есть появление, например, того же ChatGPT технологии выяснилось неожиданно, что регуляторы не поспевают за развитием технологии. Они не успевают регулировать, не успевают даже осознать, какие эти технологии несут в мировую экономику и в мировую систему вообще в принципе риски. Отсюда сейчас вот эта история с предложением запретить ChatGPT и в Италии, и в Германии. Хотя бы на время, на полгода заблокировать развитие этих технологий искусственного интеллекта, потому что не понимают регуляторы, как это будет развиваться. И если это будет самостоятельно развиваться, то какие это риски будет нести.

Некоторые коллеги считают, что может быть доверить регулирование искусственного интеллекта самому искусственному интеллекту, как кто-то предлагал. То есть, если искусственный интеллект будет сам себя регулировать, то все будет нормально и тогда это во многом решит проблему вот той экстрасложности, о которой говорил коллега. Но пока что современные власти не готовы отдать такое регулирование явно на откуп самому искусственному интеллекту, это совершенно однозначно. Однако проблемы есть со сложностью, то есть система вообще очень усложнилась, и это все еще наложилось на такие факторы, на такие тенденции, как, например, кризис экспертного знания. Все говорят о том, что с развитием Интернета, с развитием социальных сетей, экспертное научное знание именно в управленческой, да и вообще в массовой среде, оно существенно изменилось, трансформировалось. Смотрите, сколько стало сторонников «Общества плоской Земли» или сторонников разных конспирологических теорий. То есть людям, массам, привычнее верить во что угодно, в любые заговоры, но воспринимать сложность системы и сложность мировой экономики, которая сейчас у нас есть, гораздо тяжелее, нежели чем просто считать, что вот на самом деле все движется, благодаря какому-то заговору. Благодаря тому, что какой-нибудь там римский клуб номер пять хочет, чтоб все жили именно так, а не по-другому. И это, конечно, тоже существенный нюанс, потому что разумные реформы, логичные реформы наталкиваются, естественно, на противодействие масс. Решение приходится продвигать очень тяжелое. Например, повышение пенсионного возраста. Все мы понимаем, что если население стареет, дыра в пенсионных фондах любых стран становится больше. Естественно, что если пенсионный возраст не поднимать, то возникает вопрос, а за чей счет будет этот банкет? Не хватает средств у государства, ну в той же Франции, например. Естественно, что никто не в восторге, приходится какие-то компромиссы искать, но все равно, как мы видим по факту, пенсионный возраст приходится поднимать. Болезненно, тяжело, но это происходит. И вот сейчас мы видим, что во Франции, собственно говоря, это и произошло. И вот проблема с экспертным знанием плюс обратный «эффект Флинна», так называемый, который показывает, что средний уровень IQ в западных государствах, в Европе, в США из-за компьютеризации

тотальной, из-за интернетизации он, к сожалению, снижается. Вот эти тенденции говорят о том, что может быть качество государственного управления и корпоративного управления тоже на Западе снижается. И это тоже отдельная проблема, которая может по мировой экономике так или иначе ударить вот в рамках тех проблем, которые мы сейчас обсуждаем.

Естественно, что есть обратная история, в Восточной Азии, где интеллект как раз наоборот подрастает, и система тамошнего образования сейчас и обходит западную, в том числе и в Китае. Но там, повторюсь, проблематика нисходящего демографического перехода и существенное снижение фертильности, снижение населения, стоит очень остро и это огромная проблема для этих территорий.

И соответственно, если подытоживать те моменты, о которых мы сейчас говорим, то мы наблюдаем огромное количество вызовов как для мировой экономики, так и в целом для мировой системы мироустройства. Огромное количество вызовов, которых раньше не было. Раньше все было просто: население мира устойчиво растет, мировая экономика устойчиво растет. Пускай не какими-то безумными темпами, как в Китае – по 8-9 % в год – но по крайней мере 2-3, а то и 4 % роста мировая экономика давала. Сейчас же есть мнение, что по большому счету после кризиса 2008 года рост мировой экономики прекратился. И если он и стимулировался чем-то, то только монетарно, количественными смягчения, вбрасыванием «вертолетных денег» в экономику, по выражению Бена Бернанке, бывшего главы ФРС. То есть, собственно говоря, только исключительно благодаря вот этой вот раздаче бесплатных денег в системе. Европейский «Центробанк» раздавал, американская ФРС раздавала, но это стало чревато инфляцией. И сейчас, получается, у нас ситуация какая: с одной стороны, мировые долги – больше 3,5 годовых ВВП, то есть, соответственно, корпоративный долг, государственный долг и долг домохозяйств в совокупности больше, чем 3,5 годовых ВВП. Только вдумайтесь: получается, что 3,5 года надо всем людям работать бесплатно, не кушать, не одеваться, ничего не тратить, для того чтобы как-то эти долги отдать. Либо, соответственно, они должны быть проинфлированы, – других вариантов, по большому счету, нет, – либо это все, в общем-то, неминуемо приведет к какому-то определенному краху, контуры которого сейчас мы пытаемся как-то определить.

И естественно, что все эти попытки, которые сейчас идут, в том числе, например, интересные истории и с цифровыми валютами, да, это вот попытки решить те проблемы, которые сейчас вот я озвучил, которые обсуждаются.

Но каждый из этих инструментов имеет свои положительные и свои отрицательные стороны. Что касается, например, цифровых валют, очень многие беспокоятся, что это слишком большой контроль, и их использовать, соответственно, можно в условиях только очень стабильной системы. Если вдруг, не дай бог, вырубятся Интернет, электричество и так далее, вы же не можете использовать цифровую валюту. Что делать? Сразу возникает вопрос: а если вдруг, не дай бог, произошел какой-то техногенный кризис? Ну, и на самом деле, конечно, те школы, которые у нас есть в России, они пробуют, пытаются как-то эти проблемы озвучить, обдумать и предложить свои решения, и, в общем-то, опыт советский был очень эффективным, – конечно, в рамках того, что было тогда, в рамках госплана. Другое дело, что сейчас, с появлением механизмов искусственного интеллекта, с появлением соответствующих алгоритмов он может стать гораздо большим подспорьем, нежели чем был в период, скажем так, семидесятых-восьмидесятых годов, когда все-таки технологии не дотягивали до того, чтобы этот опыт использовать достаточно эффективно. То есть он, получается, во времена раннего социализма, в двадцатые-тридцатые-

сороковые годы, пятидесятые использовался очень хорошо, а вот уже потом конкуренция, к сожалению, немного была более жесткая, и все получилось по-другому.

Тем не менее, можно сказать только одно, подытоживая. Сейчас турбулентность, так или иначе, нарастает, всем нам придется привыкать жить в такой более непредсказуемой и в более сложной, в менее устойчивой системе, поскольку, похоже, возврат к непрерывному экономическому росту, той капиталистической системе, которая была 300 лет подряд, уже, наверное, в таком виде, как она была, она уже не вернется. Все равно мы сейчас видим ее какой-то кризис и кризис этих пределов роста, который сейчас нам нужно как-то решать. Ну и, собственно говоря, с одной стороны, есть такие более-менее пессимистические мнения, вот Дмитрий, например, считает, что решаться все это будет очень сложно, а может быть, даже это и невозможно решить. В то же время есть более оптимистические мнения, что это просто временная история, которую нужно пережить, 10-15 лет – и все вернется на круги своя.

Будем надеяться, что все-таки скорее все закончится хорошо, чем плохо. Спасибо.

Дмитрий Голубовский: Так. У нас осталось 10 минут на то, чтобы подытожить все, что было сказано. Я не знал ни одного доклада на самом деле, который будет сегодня сделан, и я всех с очень большим интересом выслушал. Поскольку времени мало, давайте я возьму на себя функцию человека, который делает какое-то резюме.

Значит, картина достаточно апокалиптическая. Причем масштаб проблем таков, что в голове сразу и не уложишь. Поэтому... можно ли съесть слона? – его надо есть по частям, да, есть такая поговорка. Ясно, что если хаосом мы не будем управлять, хаос будет управлять нами. Этого бы очень не хотелось. Ясно также мне из всего услышанного, что, собственно говоря, доллар Соединенных Штатов как единая мера стоимости по объективным причинам будет терять это качество. По той простой причине, что модель американской экономики – это была экономика кредитной экспансии. Грубо говоря, они продавали будущее. Будущего, которое можно продать, больше нет. На самом деле вся вот эта эмиссионная накачка, о которой здесь было сказано и Игорем, и Николаем, это просто способ перенесения ошибок управления, о которых говорил Александр, в будущее. Я правильно понимаю логику процесса и перевожу ее на простой слог. То есть ошибки управления, начиная с кризиса 2008 года, а по большому счету, переносили в будущее. А будущее у нас – это 30-летний кредит. Больше, чем 30-летнего, долга-то не существует. Ну, собственно говоря, от кризиса до 30 лет отсчитайте, там получите бюджетный коллапс на самом деле Соединенных Штатов. Это простая бухгалтерия. Американцы, естественно, понимают это лучше нас, поэтому они и делают то, что они делают. Они не сошли с ума, как думают некоторые: а чего они разрушают сами свою систему? – нет. У них есть какой-то план перестройки. Интересы каких-то сторонних игроков учитываться не будут, поэтому нам надо думать о себе самим.

Поэтому первоочередная задача в процессе думанья о себе самим – это поиск альтернативы доллару. Я рассуждаю просто как законченный прагматик. Это, кстати, поняли многие, судя по спросу центральных банков на золото – колоссальному, который был в прошлом году... если я не ошибаюсь, спрос был рекордный со времен отмены золотого стандарта...

Алексей Вязовский: Причем рекордный у тех стран, у которых проблемы с Соединенными Штатами, – Турция и так далее.

Дмитрий Голубовский: Да. Но у нас спрос на золото предъявило население. Я думаю, что менталитет населения везде одинаков. Поэтому явочным порядком, так или иначе, золото будет возвращать себе функции, это хорошо для него как рыночного актива. И здесь страна, которая выстроит грамотно, на новом технологическом уровне оборот золота, может получить преимущество. Для этого нужны новые технологии. И я думаю, что рассуждения о каких-то сложных товарных корзинах – это преждевременно. На самом деле нужно начинать с простого. Если мы оцифруем золотой стандарт и выведем на новый уровень, технологический, чтобы это качественно было, легко, без издержек, обращение, под это подвести рынок ценных бумаг... Кстати говоря, «Селигдар», наш золотодобытчик, уже выпускает облигации, номинированные в золото. То есть корпорации вот этим. Мы здесь можем, по крайней мере, какую-то проблему дефицита долларовой ликвидности и проблему доллара как средства платежа решить, потому что у доллара две проблемы как средства платежа: первая – высокая инфляция, и я так понимаю, что она не уйдет, потому что, как Александр сказал, это инфляция структурная, и вторая проблема – это, собственно говоря, ограничения денежного обращения, потому что, когда у тебя высокая инфляция, у тебя есть желание бороться с ней. Ну, примерно так, как поборолись, арестовав резервы России. Ну, просто значительная часть денег была выведена из оборота. Теперь за эти доллары, которыми владел Банк России, ничего нельзя купить. Ну, а кризис так не решается со стороны Америки, но мы-то должны иметь в виду, к чему все идет.

Поэтому в краткосрочной перспективе в международной валютной системе будет расти роль золота. Также в среднесрочной перспективе будет расти роль технологий и новых стандартов, которые позволят минимизировать количество ошибок и минимизировать издержки денежного обращения. И монополизировать его, потому что на самом деле ошибки связаны с высоким уровнем монополизации. Фактически очень ограниченный круг финансовых институтов в мире монополизировал денежное обращение на планете. И это задача международная, которую должны осознать все участники рынка. Вообще это необходимо для выживания экономического.

Александр Пастухов: Здесь уместно сказать об обратных связях, которые перестали работать. Вот Николай говорил, что обратные связи рыночные перестали работать. Это через монопольный эффект. А нужно говорить, что еще и скорости обратных связей сегодня нужны другие, чем обеспечивают институты.

Дмитрий Голубовский: То есть финансовый рынок рассогласовался полностью с реальным сектором. Есть бумажная экономика и есть реальная экономика. Да, это многие финансисты уже заметили, что цены на активы очень часто не отражают еще и реального содержания компании, того, что есть внутри. Это точно так же говорит о... часто сталкивается с ценами на сырье. Но я напомним, кстати, ниже нуля цены на нефть. Типичный пример полного отрыва финансовых реальностей от реальностей товарного рынка.

Значит, решив эти две проблемы, мы, тем не менее, из кризиса не выйдем, потому что пределы роста на самом деле связаны в том числе и с процессами автоматизации и в рамках рыночной парадигмы обесценением труда.

Александр Пастухов: Ну, из кризиса можно выйти, если расти не вширь, а вглубь. Но для этого нужно минимизировать ошибку именно структурную, и скорость обратной связи должна быть адекватна прогрессу.

Николай Остарков: Я бы вот что добавил. Когда мы говорим о том, что выход из кризиса и вот преодоление этой сложности, – не надо бояться регрессов на базе нового. Вот то, о чем ты говоришь, да, то есть, например, мы возвращаемся к золоту, это же регресс вообще-то. Не надо...

Дмитрий Голубовский: Но я предлагаю вернуться на новом уровне цифровых технологий.

Николай Остарков: Да, надо регрессировать, но регрессировать с использованием новых технологий. То есть уже не просто физические обменники по всей стране, где вместо доллара меняют золото, а придумать платформы, которые позволят... ну, или, не знаю, что-то, что позволит то же сделать, но уже на новом технологическом уровне. Ну, и помимо золота, надо с капиталом тоже разбираться. То есть регрессировать в индустриальную часть, в индустриальный сектор, но тоже на новом уровне. Вот эти регрессы, они должны быть такими стратегическими направлениями, они как бы снижают температуру вот этой нашей перегретости и ментальной, и психологической, и вот этой сложности, да, то есть регресс должен стать таким как бы ключевым ориентиром, маркером того, что вы куда-то правильно идете. Если это грамотный регресс.

Дмитрий Голубовский: Это надо осмыслить.

Игорь Диденко: Я прошу прощения, Дмитрий просил не пугать, но с точки зрения мировой экономики золотой стандарт, возвращение его маловероятно хотя бы из-за ограниченности предложения золота. И если мы исходим из того, что мы к этому возвращаемся, то это очень существенно изменит всю текущую систему. Точнее говоря, не просто изменит, а отбросит ее назад. Тем более что многие страны просто не примут этого априори. Ну, условно говоря, там, коллективный Запад.

Дмитрий Голубовский: Ну, в качестве Bridge-валюты это можно ведь использовать. Но на самом деле здесь два вопроса...

Игорь Диденко: Как временная мера.

Дмитрий Голубовский: Да. Я и говорю, как краткосрочное решение. Потому что нужно какую-то подпорку подставить.

Игорь Диденко: Но краткосрочным решением могут быть другие варианты. Краткосрочное решение – это все-таки не решение. Сейчас мы говорим о том, что сама система находится в таком неустойчивом положении, настолько быстро меняется, что сегодня, какое-то временное найдя, завтра мы столкнемся с новыми вызовами, которые уже не сможем так быстро решить.

Дмитрий Голубовский: Но если мы не будем делать вообще ничего, тогда наши шансы будут еще меньше.

Женщина: Российский университет дружбы народов. Очень привлекла тема трансформации международной валютной системы. Вот тут есть вещи, которые относятся и к мировой валютной системе, и к международной валютной системе. Я ожидаю, что в ближайшем будущем, наверное, будет идти... раз глобализация достигла пика, институты мировой валютной системы сегодня не работают, значит, выход – в зональности, в зонах. А если в зональности, то надо очертить, наверное, ту траекторию, которую может описать Россия с учетом своих национальных интересов. Это раз.

Второй момент, который вызывает цифровой рубль, это то, что... вот я хотела вам задать вопрос, но здесь что-то не практикуется постановка вопросов. Так вот, цифровой рубль и искусственный интеллект приведет к тому, что произойдет с банками. А это вопрос уже внутренней самой российской валютной политики. Что произойдет в регионах? Когда-то Греф говорил, что ни бухгалтеров скоро не будет, ни финансистов. Может быть, только контролирующие. Потому что я, дома сидя, мне не нужен будет банк, я уже сейчас почти не хожу в банк, скоро у меня будет потребность только с центром связаться, с центральным банком, и все. Поэтому что произойдет? В образовании мы будем выпускать финансистов или это все уйдет? В общем, вопрос, а вы, раз сегодня вопрос трансформации, вы рассматриваете три-четыре ядра, но они не все, которые раскрывают такое понятие, как трансформация.

Николай Остарков: Я бы тему зональности, конечно, поддержал, но она настолько обсуждаема сейчас, я просто не знаю ни одной команды, которая бы не обсуждала это в духе того, что какие будут там валютные зоны и так далее, у того же Хазина это активно обсуждается...

Дмитрий Голубовский: В любом случае нужна какая-то международная мера единой стоимости. Внутри страны оборот ты можешь замкнуть в цифровых деньгах, которые будут просто решением властей страны навязаны как средство уплаты налогов, и в этом будет их ценность.

Николай Остарков: Да, внутри страны несложно создать денежный...

Дмитрий Голубовский: Дело в том, что на международном уровне это сделать нельзя. И то, что сделала Америка систему, это просто уникальная историческая ситуация, когда одна из стран – победительниц в войне оказалась обладателем большей половины золотого

запаса планеты. Это просто очень большой был счастливый случай, – ну, который, наверное, был срежиссирован определенным образом, – который позволил эту систему создать тогда. Потом золото убрать. Потому что она запустилась сама, оборот денег стал поддерживаться. Сейчас эта система исчезает. Если мы говорим о трансформации международной валютной системы, то ключевой вопрос – что будет средством расчета между странами? Внутри страны можно создать то, что было хоть при Советском Союзе. Когда был контур наличного обращения, контур безналичного обращения, инвалютный рубль, какой угодно. Но в рамках трансформации мировой валютной системы что будет единой мерой стоимости? Краткосрочное решение, на мой взгляд, это золото, потому что краткосрочное решение...

Николай Остарков: Но смотри, там же вопрос не только эквивалентности, а то, вот о чем я говорил, о том, что, ну, хорошо, предположим, мы внутри БРИКС создаем, да. А я вот показал и рентные эффекты, которые возникают. То есть мы должны между собой договориться, как мы этот, грубо говоря, делим.

Дмитрий Голубовский: Для этого есть балансовые методы, о которых Александр говорил.

Николай Остарков: Хорошо. То есть внутри вот этого мы договорились, а вот во всеобщем масштабе, то есть поэтому и говорится о фрагментации как бы, что внутри БРИКС, условно говоря, или внутри (...)

Дмитрий Голубовский: Ну, даже если мы охватим этой системой столько миллиардов человек, это уже смягчит ситуацию. Если возникает некое ядро, которое смягчает ситуацию, более слабые к нему примыкают.

Николай Остарков: Но этот процесс уже идет, в принципе, этот вектор намечен.

Дмитрий Голубовский: А посмотри, к тому же БРИКС как тянутся страны. Потому что нужно же где-то искать «ноев ковчег». Или как минимум искать альтернативу для страховки

Николай Остарков: Я-то как бы подчеркиваю, что дело не в поиске всеобщего эквивалента, да черт с ним, со всеобщим эквивалентом. Можно же с плавающим эквивалентом иметь дело. Он должен быть устойчивым и воспроизводиться по определенному алгоритму. Вот когда ты знаешь, что он, например, все время растет, это тоже устойчивость. Или когда ты знаешь, что он падает вот на таких... Ну что, доллар был устойчивым, что ли?

Дмитрий Голубовский: Тогда возможен финансовый план, да?

Николай Остарков: Да.

Дмитрий Голубовский: Для этого нужно упростить систему глобального управления, фрагментировав ее, делегировав в автономии, в какие-то центры.

Николай Остарков: А дальше как бы алгоритм... Вот смотри, если есть фрагментированные и есть алгоритм построения эквивалентности, между... то есть расчетов, точнее, между ними, не эквивалента, а то, как один фрагментированный штрих на другой, да? Они каким-то образом меняются. Если ты знаешь, что в основании этого лежит алгоритм, то ты как бы действуешь, зная о том, что никто не получает сверхприбыль на этом, и ты знаешь, что ты действуешь в устойчивости... ну, здесь, на этом эпизоде, ты проиграл, там, устраивая свой проект, здесь ты выиграл, в общем-то система вся работает тогда.

Дмитрий Голубовский: Тогда нужна международная...

Николай Остарков: Алгоритмы нужны вот там, там и там.

Дмитрий Голубовский: Международно признанный стандарт новый.

Николай Остарков: Не стандарт, а... ну да, стандарт, но нового типа. Алгоритм.

Дмитрий Голубовский: Да, Саш, уточни.

Александр Пастухов: Нужно, чтобы была возможность предсказывать последствия инвестиционных решений. То есть вот в этом главная проблема, что сегодня по многим проектам невозможно предсказать последствия, невозможно понять, в реальном секторе окупятся или не окупятся. Соответственно, деньги сюда не идут, идет невоспроизводство базы, на которой мы все живем, материальной базы. А идет разрушение. Ну, посмотрим, в США сколько сходит поездов – банальный пример.

Дмитрий Голубовский: Да, что-то у них техногенных катастроф много стало.

Александр Пастухов: То есть мы приходим к тому, что нужна страховка. Одновременно. Тоже глобальная, мировая. Принципы страхования вот этих вот рисков

Дмитрий Голубовский: Которые на международном уровне должны быть согласованы странами, которые будут участвовать в создании этой новой системы.

Николай Остарков: Да, все. То есть я вот работал в Обществе взаимного страхования в строительных, да, я знаю, что это такое. В принципе, люди собираются, ведущие риелторы,

точнее застройщики, и договариваются о принципах, как они будут страховать, если что, если кто-то из них провалился. И все работает. Если это работает в такой жесткой конкурентной среде, как, допустим, строители, и, в принципе, когда там алгоритмы выстроены, там вообще провалов-то не случается, потому что все понимают, как от этого уходить.

Дмитрий Голубовский: Смотри. Вот если такая система будет создана и риск каких-то кассовых разрывов из-за неудачных инвестиций будет минимизирован, – раз, и если эта система будет сбалансирована по торговым балансам, – два, тебе не нужно будет много металла. В качестве некоего оборотного средства. Потому что в идеале система сбалансирована в ноль, вообще в этой системе никто не будет требовать поставки. Но тогда золото должно делегировать этой системе просто доверие первичное. Потом ее снова можно убрать.

Николай Остарков: А, вот, смотри, идем дальше. Страхование это, оно может быть каким образом организовано? Грубо говоря, провал случился в Африке или еще где-то, и необязательно золото, можно им туда поставить зерно.

Дмитрий Голубовский: Но ты говоришь о расширенной товарной корзине.

Николай Остарков: Да.

Дмитрий Голубовский: Которую Россия может создать, потому что Россия в этом отношении богатая страна.

Николай Остарков: Да. Логистика, как ни странно, может быть страхованием еще, одним из инструментов. То есть жестко простроенные логистические маршруты, коридоры и так далее, и гарантия того, что из пункта А то же зерно или что-то попадет, условно говоря, бесплатно для того, у кого что-то случилось, такой полис, который как бы, например, в логистическом формате работает. Тоже может быть средством страхования.

Александр Пастухов: Еще в этой связи надо сказать о том, что курсы – это механизмы регулирования потоков экспорта-импорта. Вот почему нельзя взять какую-то валюту одной страны и сделать ее эквивалентом, потому что у страны могут быть риски и проблемы. И дисбалансы можно отрегулировать движением ее валюты относительно корзины или относительно общего эквивалента. Это как раз снижает потребность в золоте как в такой страховке покрытия проблемы доверия.

Дмитрий Голубовский: По мере того, как доверие самой системы будет набирать силу.

Александр Пастухов: Да-да-да. То есть нужна максимальная гибкость, для того чтобы адекватно реагировать на дисбаланс вовремя.

Дмитрий Голубовский: То есть через золото, дальше переходит к товарной корзине какой-то первоочередной значимости, и потом фактически начинается новый цикл эволюции денежной системы, но построенный уже на других принципах и организации, без финансовой монополии.

Александр Пастухов: Нет, немного о другом. Вот, например, когда Евросоюз формировался и евро, там были проблемы в Италии – раньше она решала проблемы девальвации своей валюты, а потом она начала накапливать дисбаланс, и проблемы банков, Италия, Греция – известная проблема.

Дмитрий Голубовский: Да, есть такая тема.

Александр Пастухов: Вот, почему нельзя такой жесткой привязкой обходиться. То есть должна быть плавающая история.

Дмитрий Голубовский: Но там, опять же, проблема была в том, что у них трехуровневая банковская система, и Италия, Испания и прочие стали местом сброса ошибок управления Германии как наиболее сильной экономики.

Александр Пастухов: Поэтому без структурного управления...

Дмитрий Голубовский: Они сбрасывали туда денежную эмиссию, поддерживая там спрос. И убив там всю промышленность. Это очень простой процесс был.

Александр Пастухов: Поэтому без структурного управления невозможно решить эти проблемы финансовые. То есть мы без управления экономикой на должном уровне, к сожалению, как ни крути, попадаем в одни и те же проблемы.

Дмитрий Голубовский: То есть свободный финансовый рынок должен прекратить свое существование.

Александр Пастухов: Он и так, скажем так, условно свободный.

Дмитрий Голубовский: Ну да, он манипулируемый адски сейчас уже.

Александр Пастухов: Просто должна быть система обратной связи как-то по-другому настроена, чтобы систему держать в рамках.

Дмитрий Голубовский: И это должно быть прописано в каких-то стандартах и правилах взаимодействия на межгосударственном...

Николай Остарков: Жесткие, простые алгоритмы, которые самоочевидны. То есть если разрабатывать, то нужно разрабатывать их. Что если А, то Б.

Дмитрий Голубовский: Окей. Какой-то путь немножко вырисовывается.

Игорь Диденко: Но вот тут на самом деле сразу возникает вопрос, что то, что самоочевидно как алгоритмы для одних территорий, совершенно не очевидно для других. Вот мы говорим, для Германии было самоочевидно сбрасывать ошибки в Южную Европу, а для Южной Европы, соответственно, было очевидно их принимать, для того чтобы поддерживать жизненный уровень населения. И сейчас противоречия настолько уже зашли вглубь, вот эти ошибки, что представить себе, когда вдруг найдется какой-то алгоритм, который будет устраивать всех... даже хотя бы какую-то часть, – очень маловероятно.

Александр Пастухов: И здесь мы ровно подходим к тому, о чем я говорил, что фрагментарная автоматизация по платформам или по географическому принципу не дает возможности выстроить алгоритмы в принципе. То есть базовым условием, которое должно быть решено, это создание единого цифрового пространства экономического взаимодействия. На самом деле об этом говорил президент еще в 2014 году на Дальневосточном экономическом форуме, и эта задача сегодня мегаактуальна, и, в принципе, ее надо делать как можно быстрее. Это немного другое, чем сегодня, к сожалению, занимается Минцифры.

Дмитрий Голубовский: Дорогие друзья, у нас заканчивается время. Поэтому до конца мы...

(Реплика из зала)..

Дмитрий Голубовский: По крайней мере, какие-то первоочередные шаги, которые могут смягчить последствия возможного разрушения глобальной системы, мы сейчас проговорили. А дальше выход будем искать по мере возникновения проблем дальнейших. На самом деле можно было бы поговорить еще на эту тему, чем все это могло бы закончиться, потому что, исходя из дискуссии, которая у нас есть, выстраивается какая-то картина позитивная. Хотя я скептик на самом деле. Но, наверное, у нас уже просто нет времени.

Но в чем я соглашусь с Игорем Диденко, это в катастрофическом отсутствии на планете... как бы в дефиците такой доброй воли. Потому что кризис, конечно, это ситуация, когда каждый тянет одеяло на себя. И в этом смысле действия американцев абсолютно логичны. Просто не нужно в этом смысле питать каких-то иллюзий, которые очень многие до сих пор продолжают питать, что старые времена вернуться.

Игорь Диденко: Дефицит доброй воли предопределен тем, что ошибки прошлого управленческие загонялись на будущие периоды. Это касается и долгов, – смотрите, какие десятки триллионов набрала долгов Америка, какой, опять же, мировой долг колоссальный, – это и те управленческие ошибки, которые вот сейчас мы обсуждали, – Германия и Южная Европа, Запад-Восток и так далее, то есть, условно говоря, метрополии и колонии – все ошибки загонялись куда-то вглубь и на будущие периоды. Раньше или позже наступает время, когда будущим поколениям нужно платить. Вот сейчас, к огромному сожалению, – и мы с Дмитрием сходимся в этом, – наступает время, когда платить придется.

Дмитрий Голубовский: Причем всем.

Игорь Диденко: Напугали все-таки в конце.

Дмитрий Голубовский: Но надо осознавать остроту проблемы, чтобы начать искать выход.